

Старая ржавая коробка переходила из рук в руки. Когда очередь дошла до Цяо Е, он едва ли не задержал дыхание, прежде чем вытащить сложенную бумажку.

Он развернул помятый клочок. На нём аккуратно стояла цифра «три».

Третья группа. Цяо Е мысленно повторил номер и уже собирался облегчённо выдохнуть, как сзади и чуть сбоку раздался знакомый неторопливый голос, спокойно называвший свой жребий:

— Три.

Цяо Е будто иглой укололи — он резко обернулся.

Пэй Цзюэ держал точно такую же бумажку с цифрой «три». Его лицо почти не изменилось, только обычно холодный взгляд, заметив в руке Цяо Е такой же номер, на едва уловимое мгновение застыл.

В лаборатории повисла гробовая тишина — на одну-две секунды. А потом аудитория разом взорвалась.

— Да ладно! Первый и второй попали в одну группу?!

— Вот это да! Они утром только вместе человека спасали, а теперь профессор Бай их ещё и намертво связал?

— Профессор Бай со своей судьбой попал прямо в точку...

Дачжуан внизу хохотал и хлопал ладонью по столу. Его круглая физиономия растянулась от злорадства так широко, что вот-вот должна была лопнуть. Он подмигивал Цяо Е всем лицом: мол, брат, смились уже с судьбой.

Цяо Е послал ему через всю аудиторию взгляд, ясно обещавший: «Ты у меня ещё получишь». Дачжуан тут же струсил, втянул шею и отвернулся, хотя плечи по-прежнему подрагивали от сдерживаемого смеха.

Лицо Цяо Е стало таким мрачным, что с него будто можно было собирать чернила.

Он, Пэй Цзюэ и ещё две девушки, которых вся эта сцена напугала до молчания, образовали одну группу. Два главных виновника происходящего посмотрели друг на друга через стол, и в их взглядах удивительным образом читалось одно и то же: почему именно ты?

— Профессор Бай, — Цяо Е, стиснув зубы, поднял руку. — А можно мне... поменять группу?

Едва произнеся это, он пожалел. Попроситься в другую группу — разве это не всё равно что при всём классе признать: «Мы не уживаемся» или «Я его боюсь»? Цяо Е в жизни хуже всего переносил необходимость глотать такую гордость.

И действительно, человек напротив тут же прохладно добавил:

— Я тоже хотел бы поменяться, — неторопливо произнёс Пэй Цзюэ. — Но едва распределились и сразу проситься в другую группу — со стороны будет не очень красиво. Люди ещё подумают, что кто-то боится работать за одним столом с кем-то другим.

Фраза была сказана без нажима, но попала Цяо Е точно в самое больное место.

Слова «поменять группу», уже стоявшие на языке, пришлось проглотить. Сжав коренные зубы, он процедил:

— Кто кого ещё боится.

— Значит, решено, — спокойно отвёл взгляд Пэй Цзюэ, будто лишняя секунда, потраченная на Цяо Е, уже была расточительством.

Профессор Бай от начала до конца наблюдал эту сцену. В его мутных глазах улыбка стала ещё заметнее. Он неторопливо постучал по столу:

— Тогда так и оставим. Третья группа задерживается и приводит сегодняшний стол в полный порядок. Потом можете идти.

Остальные группы постепенно разошлись, и вскоре в огромной анатомической лаборатории остались только четверо из третьей группы.

Две девушки, оказавшиеся зажаты между этими двумя грозными руководителями, дрожали и совершенно не понимали, куда вставить хоть слово. Наконец одна робко спросила:

— А... а нам что-нибудь сделать можно?

Привести в порядок стол анатомического донора — работа тонкая. Всё нужно делать бережно, уважительно и без единой небрежности. Ни Цяо Е, ни Пэй Цзюэ не хотел первым командовать другим, но стоило начать, как выяснилось, что работают они до странности слаженно. Один подавал — второй принимал; один только поднимал руку — второй уже освобождал место. Не надо было договариваться ни о силе движений, ни о темпе: всё совпадало без единого зазора, будто они тайком уже тренировались вместе сотни раз. Две девушки смотрели на них, разинув

рты, и так и не смогли вклиниться ни одним словом.

В какой-то момент инструмент едва не выскользнул из руки Цяо Е. Пэй Цзюэ мгновенно протянул руку и поймал его, а кончики пальцев в воздухе скользнули по тыльной стороне ладони Цяо Е.

Холодные.

— Держи крепче, — не поднимая головы, сказал Пэй Цзюэ. — Если за операционным столом рука дрогнет, человек может погибнуть.

— У меня рука не дрожит, — упрямо возразил Цяо Е, хотя кончики ушей почему-то начали нагреваться. — Это ты слишком быстро передал.

— О, — снова это раздражающее односложное «о». — В следующий раз подам медленнее. Подстроюсь под тебя.

— Не надо под меня подстраиваться, — процедил Цяо Е.

Они продолжали перебрасываться фразами, но руки не остановились ни на секунду, и работа шла гладко, как по маслу. Две девушки переводили взгляд с одного на другого и всё же не решались вмешиваться.

Даже Цяо Е заметил эту необъяснимую, почти пугающую слаженность. Его руки на мгновение замерли, и он быстро покосился на Пэй Цзюэ.

По совпадению, тот в ту же секунду тоже посмотрел на него.

Два взгляда неожиданно столкнулись в воздухе — и тут же, словно оба обожглись, поспешно разошлись в стороны.

— Цок, — Цяо Е отвернулся и снова стиснул сустав большим пальцем, силой загоняя куда подальше смутное, непонятное чувство неловкости.

Наконец всё было закончено. Четверо один за другим вышли из анатомического корпуса. Ночной ветер немного развеял прилипший к ним запах формалина. Цяо Е шёл последним и уже собирался шагнуть дальше, когда сзади прозвучал всё тот же спокойный голос Пэй Цзюэ:

— Цяо Е.

Впервые этот человек по-настоящему произнёс его имя. Цяо Е остановился и обернулся.

Пэй Цзюэ стоял под тускло-жёлтым фонарём у анатомического корпуса — в белой рубашке, прямой и высокий. Он смотрел сверху вниз и говорил слово за словом, всё так же неторопливо:

— В этом семестре я не позволю, чтобы наша группа отставала из-за кого бы то ни было. — Он сделал паузу, и взгляд задержался на лице Цяо Е. — Включая тебя.

Огонь в груди Цяо Е взметнулся мгновенно. Он шагнул вперёд, поднял лицо, будто намеренно споря даже с разницей в полголовы роста, и отчеканил в ответ:

— Какое совпадение. Я тоже не позволю. Говорю тебе, Пэй Цзюэ: в этом семестре я ещё посмотрю, кто в итоге кого потянет назад.

Они стояли под тусклым фонарём, остро глядя друг на друга и не желая первыми опустить голову. Казалось, в воздухе между ними уже трещат и разлетаются искры.

Долгое противостояние первым прекратил Пэй Цзюэ. Он отвёл взгляд, развернулся и сделал два шага, но словно вспомнил что-то и остановился.

— К завтрашней подготовке, — сказал он, не оборачиваясь, — сам знаешь, до какой главы нужно дочитать. Не тяни группу назад.

После этого он действительно ушёл, всё с той же идеально прямой спиной, растворившейся в темноте.

Цяо Е молча закатил глаза вслед и процедил: «Тоже мне, строит из себя невесть что». Ругался он ругался, а внутри всё равно пылало что-то — то ли злость, то ли ещё что-то. Он опустил взгляд на свою руку. Холод от прикосновения чужих пальцев давно исчез, но на том месте почему-то всё ещё оставался едва различимый зуд.

Раздражённо ущипнув сустав, он силой придавил и этот зуд, и образ человека, который никак не хотел уходить из головы.

И ни один из них не заметил, что на втором этаже анатомического корпуса, за неплотно прикрытым окном, стоял тот самый мужчина средних лет в старой куртке, который днём издали наблюдал у ворот за спасением человека. Он держал чашку давно остывшего чая и с явным интересом смотрел на сцену внизу.

Уголки его губ медленно поползли вверх.